

Л. М. Щемелева

Мотивы поэзии Лермонтова Покой

Покой относится к тем лермонтовским мотивам, в которых с наибольшей очевидностью выразилось жизненное кредо лермонтовского героя. Он необходим ему как точка отсчета в самоопределении и неприемлем как внутреннее состояние, как стиль и способ бытия: до 1837 года у Лермонтова сохраняется негативное и полемическое отношение к покою как жизненной позиции. Такое понимание шло вразрез с устоявшейся поэтической традицией. Так, в современной Лермонтову философской лирике покой нередко воспринимается как то желаемое психологическое состояние, к которому надо стремиться, которое вполне соотносимо со счастьем и даже равно ему (ср. общеупотребительные эпитеты по отношению к покою: «золотой» «сладостный», «благодатный», «безмятежный» и т. п.). Пушкин («На свете счастья нет, но есть покой и воля») и Баратынский («Счастливым отдыхом, на счастье похожим» — «Безнадежность») развели, разделили эти понятия, но покой в их поэтической системе не утратил своей высокой ценности. Для Лермонтова же дилемма — «покой» или «счастье» — решалась совершенно однозначно: счастлив в покое мог быть тот, в ком «слаб источник жизни».

...Более сложное наполнение приобретает этот мотив в «Парусе», где покой хотя и отвергается вечными поисками мятежного «Я» поэта, но, тем не менее, парадоксально сочетается (ценностно соизмеряется) с жизненными «бурями»:

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Неявная переоценка покоя начинается с 1837 года: не развивая этот мотив непосредственно (вплоть до «Выхожу один я на дорогу...»), Лермонтов придает иную окраску близким к покою состояниям отдыха, сна, тишины, занимающим в его поздней лирике значительное место — стихотворения «Дары Терека», «Утес», «Воздушный корабль», «Пленный рыцарь», «Последнее новоселье», «Спор». В последнем поэт с явным сочувствием относится к смирению и вынужденному поражению Казбека:

Грустным взором он окинул
Племя гор своих,
Шапку на брови надвинул —
И навек затих.

Бесприютный странник-листок (стихотворение «Листок») уже сам просит у чинары приюта-покоя как избавления от тягот своей страннической судьбы — по контрасту с позицией героя раннего Лермонтова. Предельный, близкий смерти покой в стихотворении «Из Гёте» приобретает символическое значение: это трагическое «замирание» жизни, наступающее всякое ее проявление («Не пылит дорога, не дрожат листы»), но именно его жаждет герой как последнего отдыха и освобождения. Новое отношение к покою объясняется тем, что для зрелого Лермонтова покой — не прекращение, не разрыв бытия, а одно из его измерений, способное дать чувство полноты жизни. Как бы в полемике с самим собой в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» Лермонтов соединяет прежде взаимоисключающие друг друга понятия — «покой» и «свобода»:

Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Покой, сон, смерть сливаются, как это было и раньше у Лермонтова, в одно состояние-переживание, но при этом становятся не знаками отказа от жизни, а особого, опосредованного и смягченного ее приятия:

Чтоб в груди дремали жизни силы...
Чтоб всю ночь, ве день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел.